

Научная статья

УДК 93/94

DOI 10.47438/2309-7078_2022_1_135

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕКРУТСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Евгений Александрович Подберезный¹*Воронежский государственный педагогический университет¹
Воронеж, Россия*¹ Аспирант кафедры истории России, e-mail: evgenypodberezniy@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется исторический опыт развития рекрутской системы России второй четверти XVIII в. Обозначены основные элементы рекрутской системы, нормативно-правовые основания ее существования, а также установлены особенности ее динамики в рассматриваемый период, в том числе и негативные тенденции, установлены важнейшие факторы, оказывавшие неблагоприятное воздействие на систему комплектования войск в 1725–1741 гг., показано, как взаимодействовало общество и государство по вопросу рекрутской повинности.

Ключевые слова: рекрутская система, комплектование войск, «дворцовые перевороты».

Для цитирования: Подберезный Е.А. Состояние и развитие рекрутской системы России во второй четверти XVIII века // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (294). С. 135–140. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_1_135

Введение

Проблема состояния и развития рекрутской системы во второй четверти XVIII в. является чрезвычайно актуальной. Это обусловлено тем, что комплектование армии представляет собой основу, на которой базируется боеспособность вооруженных сил. Для успешного ведения войны государству недостаточно иметь многочисленные людские ресурсы, необходима отлаженная система восполнения потерь, без которой немислим успех любой военной кампании. Данный аспект существования армии имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Именно поэтому при строительстве современной армии чрезвычайно важно учитывать военно-исторический опыт, накопленный отечественной военной системой в предшествующие столетия.

Из вышесказанного следует, что способ комплектования вооруженных сил имел решающее значение для успехов армии любого периода, в том числе и периода 1725–1741 гг. Проблема становления и развития рекрутской системы получила определенное освещение в исторической литературе. К наиболее известным трудам, посвященным данной теме, относятся монографии Д.Ф. Масловского [3], Л.Г. Бескровного [1], а также коллективная монография О.Г. Леонова и И.Э. Ульянова [2]. Вместе с тем нельзя не отметить, что комплексный анализ состояния рекрутской системы в рассматриваемый период не проводился, а для существующих исследований характерен довольно обобщенный взгляд на ее развитие. Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что оценки отечественных вооруженных сил в целом и рекрутской системы в частности носят преимущественно негативный характер, что не

в полной мере согласуется с данными источников. Помимо всего прочего это связано с тем, что многие вопросы, относящиеся к истории рекрутской системы, остались за рамками исследований. В связи со всем вышесказанным целью настоящей статьи является комплексный анализ состояния и развития рекрутской системы России в 1725–1741 гг., а также восполнение пробелов, имеющих в изучении деятельности государства по развитию рекрутской системы в указанные годы.

Статья подготовлена на основе опубликованных источников, что не умаляет ее содержательного значения. При подготовке работы привлекались нормативно-правовые акты, всесторонне регулировавшие процесс развития рекрутской системы в рассматриваемый период истории. Кроме того, учитывались факты, содержащиеся в работах дореволюционных, советских и современных авторов.

Результаты

Основы рекрутской системы были заложены в первой четверти XVIII в. В 1699 г. впервые был издан указ о «Приеме в службу в солдаты из всяких вольных людей». Единицей, с которой взимался рекрут, являлся двор. Согласно указу, дворяне, находившиеся на военной службе, обязывались поставить одного пешего рекрута с 50 дворов и одного конного – со 100 дворов. Прочие помещики, к которым относились владельцы крестьян обоюбого пола, ставили одного рекрута с 30 дворов, а с церковью и монастырем брался один рекрут с 25 дворов. Если же у помещиков не доставало необходимого числа дворов, то они платили за каждого недопоставленного рекрута 11 рублей. Сбор рекрутов проводился Поместным приказом через «станции». На них собирались рекруты, приводились к присяге и по достижении численности в 500–1000 человек переда-

вались Военному приказу для распределения к полкам [1, с. 24]. С 1706 г. «станции» становятся местом первичной боевой подготовки рекрутов, которая предшествовала их распределению в полки [2, с. 17].

Однако для перехода к единой системе комплектования необходимо было при наборе рекрутов знать точную численность податного населения. Попытка уточнить количество призывников в 1704 г. оказалась неудачной. Несмотря на это, рекрутские наборы продолжали проводиться с определенного количества дворов. Важно отметить то обстоятельство, что «двор» являлся недостаточно точной категорией для изъятия рекрутов в связи с тем, что количество подлежащих призыву людей могло существенно различаться. В указе 1705 г. происходит завершение начального этапа формирования рекрутской системы. Указ объявлял о наборе рекрутов с 20 дворов по одному человеку в возрасте от 15 до 20 лет. Те владельцы, у которых было меньше 20 дворов в наличии, обязывались «складывать» для достижения нужного количества и также поставлять рекрута [4, с. 291], а уже с 1717 г. зажиточные крестьяне и горожане получили возможность нанимать человека для отдачи в рекруты вместо себя [2, с. 19].

С 1711 г. наборы проводились по нарядам Сената, а с 1722 г. рекрутская повинность распространилась и на иностранцев [1, с. 28]. Важнейшим нововведением выступило учреждение наборов не по дворам, а по душам, что стало возможным благодаря окончанию первой ревизии в 1721 г. Важно отметить и то обстоятельство, что уже набор 1705 г. затянулся и был продлен до сентября [1, с. 26]. В дальнейшем проблема недоборов в армии становится все более существенной.

Рекрутская система, заложенная Петром I, оказалась далеко не совершенной в силу наличия многих организационных проблем. Прежде всего стоит отметить отсутствие регламентированного порядка, определявшего количество рекрутских наборов. Они могли проводиться несколько раз в год и с разного количества дворов. Существовали и специальные наборы с отдельных категорий населения, таких как ямщики, подъячие, монастырские служащие и дворовые люди [1, с. 27.]. Значительную путаницу вносил институт «вольнопределяющихся», которые могли записываться в рекруты по своему желанию. Это усложняло задачу учета поставленных рекрутов с конкретных хозяйств, так как «охочие» люди могли записаться в службу в любой момент. Несмотря на все перечисленные недостатки рекрутской системы, важнейшая задача, стоявшая перед Петром I, была решена достаточно успешно: была создана новая система комплектования войск, ставшая основой регулярной армии, и существенно конкретизированная и уточненная преемниками императора.

С восшествием на престол Екатерины I в рекрутской системе России во многом сохранялся порядок, установленный указами предыдущего правления. Рекрутскую повинность несли все податные сословия. Владельцы крестьян могли отдавать рекрутов «натурой», но если они мелкопоместные, то могли объединяться с другими и откупать деньгами «в складку». Для купцов и ремесленников рекрутская повинность была определена в денежной форме – 100 рублей за 1 рекрута, что подтверждалось указом 1726 г. [5, с. 577]. Рекрутов на местах собирали полковники совместно с земскими комис-

сарами. После окончания набора определенного количества людей, рекруты под конвоем отправлялись в губернии или полки для дальнейшего распределения. При приеме рекруты получали жалование и провиант от Военной коллегии, которые сопоставимы с солдатским довольствием. При получении рекрута сборщики выписывали «отдатчикам» документ о принятии, причем особо оговаривалось, что сделать это необходимо в течение 3-х дней, без волокиты. Рекрут должен был соответствовать критериям возраста, здоровья и роста, а также иметь определенную одежду. В указе о рекрутском наборе 1726 г. особенно подчеркивалось, что с поставщиков рекрутов нельзя требовать мундира, достаточно простой одежды [5, с. 578]. Данным указом запрещалась добровольная запись в рекруты, что связано с составлением общего плана набора, когда добровольно ушедшие от помещика не учитывались, поэтому появлялись «доимки» и приходилось дополнительно организовывать наборы, чтобы их восполнить [5, с. 579–580]. На появление недоборов оказывали влияние разнообразные формы уклонения помещиков от поставки рекрутов, а также различные коррупционные схемы. Так, многие помещики специально отправляли негодного рекрута, которого в полках браковали и отправляли обратно для замены, которой в итоге не было. Наблюдался также случай, когда собранные «в складку» деньги за рекрутов не отправлялись государству, оседая в карманах сборщиков [5, с. 577–578].

Говоря о развитии рекрутской системы в 1725–1741 гг., важно обратить внимание на главную проблему, характерную для всего рассматриваемого периода: проблему «доимок», то есть невозможность собрать определенное указами количество рекрутов в конкретный срок. Уже в указе 5 марта 1726 г., объявлявшем новый рекрутский набор, можно видеть, что недоборы являлись серьезной проблемой. Так, согласно указу, «доимка» составляла 22934 человека, из которых 16089 не собрано в период до 1724 г. [5, с. 576]. Вместе с тем, «доимки» были не только в поставках рекрутов «натурой», но и в платежах за рекрутов от купцов и мелкопоместных дворян. Так, по наряду 1724 г. купцы должны были выплатить 67770 рублей (по 100 рублей за рекрута), однако к 1726 г. они уплатили лишь 9925 рублей от положенной суммы [5, с. 577]. Подобные недоборы носили систематический характер, эту проблему не смогла устранить даже специальная «Доимочная канцелярия», созданная в 1727 г. при Верховном Тайном совете [5, с. 755]. 19 июля 1727 г. чиновникам Канцелярии определялся штраф за «слабый» сбор «доимок», однако ситуация это никак не изменило, так как проблема не могла быть решена только ужесточением наказания для чиновников [5, с. 827]. Именно поэтому в последующие наборы каждый наряд о сборе рекрутов будет начинаться со слов о необходимости сбора «доимочных рекрутов». Поначалу в каждом наряде Сената указывалось точное число доимочных. Так было в указах о сборе рекрутов 1727 г. [5, с. 893], 1730 г. [6, с. 311], 1732 г. [6, с. 741]. Однако, начиная с 1733 года, количество доимочных рекрутов не публикуется в нарядах Сената [7, с. 216], так как, очевидно, проблема «доимок» стала полноправной частью рекрутской системы и не было смысла в уточнении количества несобраных рекрутов в публичных указах.

Однако вышесказанное вовсе не означает, что власть не пыталась решить эту проблему. Обычной

реакцией государства на систематический недобор рекрутов или складочных за них денег стали штрафы. Так, в 1730 г. ответственным за сбор рекрутов воеводам, губернаторам, секретарям и подъячим устанавливался штраф 10 рублей за каждого несобранного в срок рекрута [6, с. 312]. С учетом задержек и постоянных недоборов, данная мера являлась серьезным наказанием для чиновников, что заставляло их проявить несколько большую активность в решении общегосударственной проблемы. Уже к апрелю 1731 г. в Сенат поступило множество доношений от местных властей, в которых указывалось, что недоборы происходят не от их «послабления», а от недостаточного количества рекрутов у населения уезда или провинции [6, с. 458]. В силу этого обстоятельства Сенат разработал комплекс мер, направленных на выяснение причин недоборов и на их устранение. Присланные для рекрутского набора офицеры стали собирать с местных властей ведомости о том, куда они о «скудости и неплатеже рекрутов» писали и какие распоряжения получали [6, с. 458]. При этом если такие ведомости не составлялись в срок, за каждую неделю просрочки воеводы должны были выплачивать штраф в размере 10 рублей за каждый день задержки. Если же воеводы отказывались платить штраф, то их имущество и люди арестовывались вплоть до уплаты [6, с. 458]. На тот случай, если и подобная мера не возымеет действия, предусматривалось лишение воевод имущества в пользу казны [6, с. 459].

Помимо давления на чиновников, указ Сената 1731 г. содержал и наказания для других категорий населения. Подъячие и посадские в городах, старосты и дворовые люди в помещичьих и церковных землях, собравшие деньги за рекрутов в складку, но не передавшие их государству, должны были выплатить их в двойном размере тем, у кого собрали. Наказанием за неуплату (например, в том случае, когда денег к моменту взыскания уже не осталось) являлась ссылка на каторгу в Сибирь, а чтобы государство не несло от этого убытков, рекруты собирались с тех деревень, которые платили деньгами провинившемуся сборщику [6, с. 457]. В том случае, если помещик уклонялся от поставки рекрута, предусматривался арест его людей и содержание их под караулом вплоть до выполнения положенных обязательств. Однако если помещик не спешил отдавать рекрута, государство силой забирало нужное количество рекрутов из помещичьих крестьян [6, с. 460].

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод о постоянном внимании государства к рекрутским недоборам, а наказания для чиновников были серьезны и не подразумевали каких-либо поблажек. Вместе с тем к началу 1730 г. государство в полной мере осознавало, что одними репрессивными мерами проблему не решить, в связи с чем предпринимаются попытки реформирования рекрутской системы. Так, в мае 1731 г. в Московской губернии апробируется проект рекрутской системы, разработанный П.И. Ягужинским. Суть его заключалась в том, из общего числа податного населения составлялись «компании» по 500 человек, состоящие из 10 групп по 50 человек в каждой. Каждая компания в рекрутский набор выставляла 1 рекрута от группы. Для установления очередности поставки рекрутов составлялись расписания для групп компаний. Очередность групп могла устанавливаться жеребьевкой или добровольным согласием. Из всех расписаний компаний посланный в губернию офицер составлял окладные книги, предназначенные

для сверки расписаний [6, с. 467–468]. Проект П.И. Ягужинского четко регламентировал порядок сбора рекрутов и мог решить проблему постоянных недоборов. Он устанавливал очередность и фиксировал расписание, по которому различные группы населения могли поставлять рекрутов, а составляемые окладные книги позволяли местным властям отслеживать процесс сбора рекрутов и выявлять тех, кто пытался уклониться от поставки рекрутов. Очевидно, что и сами поставщики в рамках данной системы проявляли заинтересованность в том, чтобы очередность соблюдалась. Несмотря на определенные преимущества, полноценная реализация данного проекта так и не вышла за рамки Московской губернии.

Схожая судьба ожидала и проект Б.К. Миниха, предполагавший ввести жеребьевку как основу рекрутской системы и сократить срок службы рекрутов до 10 лет [3, с. 180]. Однако данный проект не был принят, хотя мог оказать положительное воздействие на развитие рекрутской системы России. С другой стороны, подобные проекты не прошли бесследно и нашли частичное отражение в последующих нормативно-правовых актах, касающихся рекрутской системы. Так, в указе о рекрутском наборе от 24 сентября 1733 г. вводились важные изменения в рекрутскую систему, направленные на усовершенствование процесса взимания рекрутов. В частности, устанавливался следующий порядок сбора с поместий (а также дворцовых и церковных земель).

1. Помещики, имеющие «полное число душ» (количество крестьян, с которых необходимо взять 1 рекрута), выставляют 1 рекрута. Если после отдачи рекрута остается еще две доли от числа, то к помещику приписываются малопоместные помещики, в сумме с которыми вновь набирается «полное число», с которого поставляется 1 рекрут. При этом рекрута выставляет помещик, у которого есть две доли от нужного числа, а каждый из приписанных к нему малопоместных помещиков платит ему 30 копеек.

2. Владельцы, у которых после отдачи остается меньше двух долей от числа, приписываются к нескольким владельцам, у которых осталось больше двух долей и также платят 30 копеек.

3. Если одной большой деревней владеют несколько помещиков, у каждого из которых в ней есть от 10 до 30 душ, то эти помещики не приписываются к соседним селениям, а выставляют рекрута вместе. Рекрута ставит тот, у которого больше половины нужного числа, а остальные платят ему деньги. Если же у всех помещиков в деревне меньше половины от числа, то тогда поставщик рекрута определяется жребием. Те же помещики, которые имели меньше 10 душ крестьян, в жеребьевке не участвовали, а платили деньгами.

4. Если у помещика есть много небольших деревень в одной провинции, то он поставляет рекрута с суммы крестьян этих деревень, не складываясь с кем-либо [7, с. 216–217].

Такая система сбора рекрутов с владельцев деревень регламентировала процедуру рекрутского набора, учитывала интересы и экономические возможности помещиков, особенно тех, которые владели небольшим числом душ. Новый порядок, хотя и не урегулировал все вопросы (например, очередность отдачи рекрутов помещиками в течение нескольких наборов), но являлся важнейшим шагом к созданию сбалансированной и упорядоченной системы.

Однако довольно скоро уже в рамках этого нововведения были выявлены определенные недостатки, связанные, в большей степени, с желанием дворян уклониться от поставки рекрутов и отсутствием у государства возможности проконтролировать рекрутский набор. Многие мелкопоместные дворяне специально не искали тех, с кем можно объединяться, с целью дожидаться окончания набора и в дальнейшем использовать это как отговорку для недостачи рекрута. Схожим образом действовали дворяне, у которых оставалась половина или меньше половины рекрутов. В свою очередь губернаторы и воеводы, имея на руках ведомости о точном числе душ у каждого помещика, не обеспечивали достаточного контроля над процессом сбора рекрутов [8, с. 833]. Об этом было объявлено в именном указе Анна Иоанновны, что свидетельствовало о масштабности проблем, доходивших до высших эшелонов власти.

Важной мерой, направленной на обеспечение бесперебойной поставки рекрутов, стало учреждение специальных сборных пунктов в столицах провинций, которые заменили собой систему отправления сборщиков во все населенные пункты [7, с. 917]. Данная мера была вызвана тем, что сборщики, чаще всего, являлись офицерами и в условиях войны они требовались действующей армии. 22 сентября 1737 г. было учреждено 24 сборных пункта и к ним приписаны конкретные уезды и населенные пункты, а в качестве временной меры для обеспечения лучшего контроля за сбором рекрутов в эти пункты направлялись гвардейские офицеры [8, с. 281].

Серьезное влияние на развитие рекрутской системы оказал манифест от 31 декабря 1736 г., который больше известен тем, что освободил дворян от пожизненной службы, ограничив ее 25 годами. Однако, помимо этого, в манифесте содержатся данные, имеющие непосредственное отношение к комплектованию армии рекрутами. Согласно манифесту, дворянин, который уходил со службы (гражданской или военной) по состоянию здоровья или же отслужив 25 лет, должен был вне очереди поставить рекрутов государству, а именно: с каждой сотни душ – 1 рекрута [7, с. 1022].

Позднее, 26 апреля 1740 г., эти требования уточнены Военной коллегией. Обязанность по поставке рекрутов возложена только на воинские чины. Офицеры, отслужившие 25 лет или же уволенные по состоянию здоровья, рекрутов не отправляли. Если же офицер, не отслужив положенный срок, желал получить отставку от службы для ведения хозяйства, то он отставлялся с уплатой рекрутов государству по следующему порядку: если имеется меньше 20 душ в поместье, то рекруты или деньги не выплачиваются; если имеется от 30 до 50 душ, то выплачивается 20 рублей; если имеется от 50 до 70 душ, платится 30 рублей; если имеется от 70 до 100 душ, выставляется 1 рекрут; если имеется 170 душ, помещик поставяет 2 рекрутов, а если после изъятия остается меньше 70, то доплачивает 30 рублей [9, с. 95–96].

Как видим, государство уделяло серьезное внимание армии, и, в частности, проблеме обеспечения ее рекрутами. Несмотря на то, что к началу 1740-х гг. дворяне-офицеры получили существенные привилегии, платой за них стала обязанность по поставке рекрутов в армию.

Важным аспектом, иллюстрирующим проблемы комплектования армии, является вопрос изменения критериев для призыва. Указом от 25 июня 1730 г.

устанавливалось, что необходимо принимать рекрутов в возрасте от 15 до 20 лет, ростом от 160 см [6, с. 296]. Однако систематические недоборы привели к тому, что государству пришлось изменить критерии отбора. В 1731 г. допускался прием рекрутов ростом около 156 см [6, с. 480]. Несмотря на то, что в декабре того же года именным указом императрицы были возвращены прежние нормы [6, с. 604], уже в 1733 г., в связи с недобором, пришлось разрешить прием рекрутов в возрасте от 15 до 20 лет ростом 156 см, а рекрутов в возрасте от 20 до 30 лет – 157 см [7, с. 222]. Потери в годы русско-турецкой войны 1735–1739 гг. вынудили правительство пойти еще дальше и 20 декабря 1737 г. было разрешено принимать рекрутов в возрасте от 15 до 17 лет, имеющих рост 151 см. Правда, с оговоркой, что таких рекрутов лучше определять в гарнизонные полки, так как службы в действующей армии они вынести не смогут [8, с. 370–371]. В конечном итоге, эту серию указов по снижению критериев завершает указ от 3 июля 1738 г., который позволял сборщикам рекрутов принимать в армию рекрутов в возрасте от 18 до 20 лет, имеющих рост от 151 см, а тех рекрутов, возраст которых варьировался от 20 до 30 лет, можно было призывать с ростом от 155 см [8, с. 548].

Можно однозначно утверждать, что государству было заинтересовано в достижении максимальной эффективности рекрутских наборов и устранении перебоев в поставках рекрутов в срок. Вместе с тем среди важнейших факторов, негативно воздействующих на эффективность рекрутской системы, следует отметить постоянный поиск помещиками способов уклониться от поставки рекрутов и коррупция, которая пронизывала практически все процедуры. Взятки и подарки закрывали глаза некоторых губернаторов и воевод на махинации помещиков. Нередки были случаи, когда присланные от местных властей рекруты браковались и отправлялись обратно офицерами полков, что еще больше усиливало неразбериху. В связи с этим, с 1730 г. посылались штаб-офицеры из близлежащих полков для ускорения рекрутского набора [6, с. 325], а уже с 1732 г. обязанность контролировать рекрутский набор на местах возлагалась только на офицеров, а местным властям предписывалось оказывать содействие и следить за тем, чтобы офицеры и их подчиненные не получали взятки [6, с. 741].

Использование для наборов офицеров хоть и улучшило положение, но не решило проблемы. Это видно из постоянно повторяющихся в каждом наряде требований о том, чтобы при приеме рекрутов сборщики не брали взятки и не требовали мундира (вместо простой одежды, определяемой указами). Помимо прочего, довольно распространенной формой вымогательства при рекрутском сборе было требование «ставить по именам», то есть, сборщики отказывались брать поставленного рекрута, а требовали тезку, чаще всего, брата или сына, чтобы получить взятку [7, с. 217]. Разумеется, государство предпринимало определенные усилия для наказания взяточников. Так, в 1731 г. капитан Аладченинов с подчиненными понес серьезное наказание за взятку: лишен чина и с вырыванием ноздрей сослан на каторгу, а его подчиненные лишены чинов и наказаны шпицрутенами. Объявлялось и о том, что воеводы или губернаторы, которые позволяют сборщикам рекрутов заниматься взяточничеством, юридически приравниваются к самим взяточникам

[7, с. 217]. Однако даже такие меры не снижали масштабы коррупции в рекрутской системе.

Особо следует отметить еще одну проблему, вносившую беспорядок в рекрутскую систему: поставка помещиками в качестве рекрутов беглых крестьян, военнотружущих и рекрутов. Подобная практика имела место еще при Петре I и за нее назначался штраф в размере 50 рублей за каждого рекрута с выплатой солдатского жалования за 3 года и 15 рублей вместо каторги. В добавление к этому через суд владелец беглого мог требовать с преступника сумму податей, которые он выплачивал за человека, пока им владел другой [6, с. 955]. Нередко и само государство своими распоряжениями усугубляло положение. Так, в 1736 г. помещикам разрешалось поставлять рекрутов, не положенных в подушный оклад [7, с. 916]. Проблема состояла в том, что, если помещик хотел отдать в рекруты купленного крестьянина, он должен был получить справку-подтверждение о том, что он действительно купил этого крестьянина и им владеет, что существенно усложняло процедуру отдачи рекрута. Именно поэтому государство пошло помещикам навстречу. Вместе с тем, для тех, кто отдает не своих крестьян (среди которых могли быть и беглые), существенно смягчалось наказание, которое сводилось к плате настоящему владельцу «пожилого», то есть денежной суммы за каждый день владения чужим крестьянином [7, с. 916].

Последствия данного решения не замедлили сказаться: уже к 1739 г. были выявлены многочисленные махинации помещиков. Так, отмена справки при отдаче в рекруты привела к тому, что еще больше помещиков стали нанимать беглых крестьян и военнотружущих, которые после прибытия в армию сразу же превращались в дезертиров. Нередкими становились случаи, когда помещик отдавал одного и того же беглого по нескольку раз в разные наборы. Чтобы остановить такие злоупотребления, государству пришлось ввести чрезвычайно серьезные наказания за такие действия. Те, кто выдавал чужого крестьянина за своего, наказывались плетью, отдавались в солдаты или отправлялись в ссылку (если к службе не годны), а потерпевшая сторона получала 100 рублей, пожилое и забирала крестьянина у преступника. Если у преступника не было денег для положенных выплат, в качестве наказания ему определялось вырывание ноздрей с последующей ссылкой на каторгу. Женщины же за подобные действия отправлялись в работу на фабрику на 10 лет с уплатой положенного штрафа, а если выплатить не могли, то работали на фабрике пожизненно. Все вышеперечисленные наказания вступали в силу в том случае, если отдавался один беглый в качестве рекрута, если же злоумышленники отдавали больше одного, предусматривалась смертная казнь. Особо оговаривался запрет на «рекрутские» сделки с несовершеннолетними помещиками (которым меньше 20 лет). Если помещик

купит у «малолетнего» владельца и отдаст в рекруты чужого крестьянина, то должен отдать своего настоящему владельцу с уплатой пожилого, если помещик покупает для отдачи в рекруты принадлежащего «малолетнему» крестьянина, то отдает своего человека в рекруты без зачета, а юный продавец будет бит кошками и записан в матросы, отдавая при этом деньги за сделку в казну [8, с. 835–836].

Как видим, дворяне не освобождались от серьезных наказаний со стороны государства за коррупцию и уклонение от исполнения указов, связанных с рекрутской повинностью. Вместе с тем, серьезность наказаний смягчалась недостаточным исполнением действующих законов, что вынуждало государство буквально в каждом нормативно-правовом акте, касающемся рекрутских наборов, «напоминать» дворянам об их обязанностях. В целом, отмеченные негативные факторы наносили серьезный урон рекрутской системе и способствовали постоянным перебоям в снабжении армии рекрутами, что становилось особенно заметно в годы войн.

Выводы

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода государство предпринимало серьезные усилия для того, чтобы повысить эффективность рекрутских наборов, активно разрабатывало законы, регламентирующие разнообразные стадии сбора рекрутов. Создаваемое законодательство оказывалось не до конца последовательным в изменении тех или иных элементов рекрутской системы. Уклонение дворян от поставки рекрутов и серьезные проблемы, связанные с коррупцией и неэффективностью государственного управления, не всегда пресекались местными властями в лице губернаторов и воевод. Все это приводило к снижению как эффективности самой рекрутской системы, так и мероприятий по ее улучшению. Несмотря на это, не представляется возможным утверждать, что рекрутская система в рассматриваемый период находилась в упадке или развивалась сугубо по инерции, данной реформаторским импульсом Петра I. Реформы, проводимые государством, хотя и не всегда давали положительные результаты, но в совокупности способствовали улучшению и развитию системы комплектования войск, а те недостатки, которые в ней наблюдались, вполне объяснимы особенностями политического строя и государственно-территориального устройства Российской империи XVIII в. и сохранялись вплоть до ее отмены. Однако несмотря на все кризисные явления, русская армия доказывала свою эффективность в различных вооруженных конфликтах и уровень ее боеспособности был вполне сопоставим с армиями европейских государств.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М. : Военное изд-во министерства обороны Союза ССР, 1958. 622 с.
2. Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1698–1801 гг. М. : АСТ, 1995. Т. 1. 296 с.
3. Масловский Д.Ф. Записи по истории военного искусства в России. Вып. 1. СПб., 1891. 467 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. IV. 1723–1727 гг. / под ред. М.М. Сперанского. СПб., 1830. 890 с.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. VII. 1723–1727 гг. / под ред. М.М. Сперанского. СПб., 1830. 933 с.

6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. VIII. 1728–1732 гг. / под ред. М.М. Сперанского. СПб., 1830. 1004 с.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. IX. 1733–1736 гг. / под ред. М.М. Сперанского. СПб., 1830. 1016 с.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. X. 1737–1739 гг. / под ред. М.М. Сперанского. СПб., 1830. 990 с.

References

1. Beskrovnyi, L.G. (1958) *Russkaya armiya i flot v XVIII veke* [Russian army and navy in the 18th century]. Moscow. (in Russian)
2. Leonov, O.G., Ul'yanov, I.E. (1995) *Regulyarnaya pekhota 1698–1801 gg.* [Regular infantry 1698–1801]. Moscow. (in Russian)
3. Maslovskii, D.F. (1891) *Zapisi po istorii voennogo iskusstva v Rossii. Vyp. 1* [Records on the history of military art in Russia. Vol 1]. Saint-Petersburg. 467 p. (in Russian)
4. Speranskogii, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe. T. IV. 1723–1727 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. IV]. Saint Petersburg. (in Russian)
5. Speranskogii, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe. T. VII. 1723–1727 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. VII]. Saint Petersburg. (in Russian)
6. Speranskogii, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe. T. VIII. 1728–1732 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. VIII]. Saint Petersburg. (in Russian)
7. Speranskogii, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe. T. IX. 1733–1736 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. IX]. Saint Petersburg. (in Russian)
8. Speranskogii, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe. T. X. 1737–1739 gg.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. X]. Saint Petersburg. (in Russian)

Поступила в редакцию 19.01.2022
Подписана в печать 28.03.2022

Original article
UDC 93/94
DOI 10.47438/2309-7078_2022_1_135

THE STATE AND DEVELOPMENT OF THE RECRUITING SYSTEM IN RUSSIA IN THE SECOND QUARTER OF THE 18TH CENTURY

Evgenij A. Podbereznyj¹

Voronezh State Pedagogical University¹
Voronezh, Russia

¹*Postgraduate Student of the Department of Russian History, e-mail: evgenypodbereznyj@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the historical experience of the development of the recruiting system in Russia in the second quarter of the 18th century (1725-1741). The main elements of the recruiting system, the legal basis for its existence are indicated, and the features of its dynamics in the period under consideration are established. On the basis of the body of legislative acts of the 18th century, negative trends in the development of the recruitment system were identified, and the main factors that had an adverse effect on the system of manning troops in 1725-1741 were identified. The features of interaction between society and the state on the issue of recruitment have been established.

Key words: recruiting system, recruitment of troops, “palace coups”.

Cite as: Podbereznyj, E.A. (2022) The state and development of the recruiting system in Russia in the second quarter of the 18th century. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (1), 135–140. DOI 10.47438/2309-7078_2022_1_135 (In Russ., abstract in Eng.)

Received 19.01.2022
Accepted 28.03.2022